

"Ты же не хочешь запятнать имя своего отца!"

вспоминал Муссанг. Все ли дети чувствуют то же самое? Сам Мусанг остался в Джипун-Дари, чтобы не запятнать имя собственного отца, даже терпя издевательства и голод. Если только человек не отказался от своей человечности, он не должен порочить имя своих родителей.

Родители - то же самое. Даже если им приходится носить рваную резиновую обувь, греться углем и потрошить бесчисленное количество рыбы, чтобы заработать на жизнь, они хотят, чтобы их дети носили хорошую одежду, пользовались радиатором и никогда не потрошили рыбу, чтобы заработать на жизнь. Такие существа - родители.

Даже когда они столкнулись с внезапной метелью на горном перевале, он был по-настоящему бесстрашен, уверен, что когда он был со своим отцом, он не боялся. Даже если тело его отца исчезло, воспоминания, которыми они делились, такие как время, проведенное у костра в пещере, и широкая спина отца на груди Муссанга, остались как ностальгия. Теперь для Мусанга плачущий перед ним уголовный бандит не выглядел таким уж злым.

"Ха Гыкдо, ты японец?"

Мусанг проверял его в первый раз. "Моя настоящая фамилия - Гим. Она была дана моему предку корейским королем. Я - Гим Гыкдо, кореец. Мои предки пришли из Японии, но они жили в Корее 400 лет и сошлись с корейцами в браке. Так что я настоящий кореец".

"Если фамилия станет известна, может ли ваш предок быть Гим Чхунсон?"

задался вопросом Мусанг. Он считал, что корейцы, живущие в Японии, не принадлежат ни к одной из стран. До сих пор он никогда не обращал на них внимания. Он просто решил допросить бандита из якудзы. Он не ожидал, что столкнется с необычной родословной.

"Да. Саяка, или Гим Чунгсон, японский герой в Корее, - мой предок. Мой дед был отправлен на Сахалин за помощь независимым, и его фамилия тоже была изменена на Ха".

Ха, - голос Гыкдо приобрел возмущенный оттенок, а его глаза расширились. Перед его мысленным взором пронеслись несчастные жизни трех поколений.

Его дед, зажиточный фермер из Далсонга, был насильно отправлен на японский Сахалин и вынужден был работать лесорубом. Это было сделано за помощь движению за независимость, но настоящей причиной была его родословная.

Японцы, особенно правящий класс, не терпели различий. Его деда отправили на Сахалин, потому что он происходил из Саяки, который сдался Корее. Только по этой причине его отправили на смертельно опасный Сахалин и сменили фамилию. Впоследствии царское имя Гим сменилось на Ха, иероглиф которого означает "обвинять" и "оскорблять". Изнуренный изнурительным трудом и суровой природой, дед родил отца и рано ушел из жизни. Считается, что причиной смерти был гнев, накопившийся в душе.

Его отец родился в Хватаэ. Когда ему было 20 лет, Япония сделала первые выстрелы во время Тихоокеанской войны. В следующем году его перевезли на остров Броненосец, но он каждый день по 16 часов изнурительно работал в шахте. Затем и в шахте он услышал новость о поражении Японии.

После войны он поселился в Осаке, и его отец встретил его мать, которая находилась в похожих обстоятельствах. Они поженились, у них родился сын. Но, к сожалению, их счастье

длилось недолго. Причиной стал пневмокониоз. Даже на смертном одре его отец проклинал Японию и обвинял Корею. Но, к сожалению, так было не только с ним. Все подневольные рабочие разделяли те же чувства.

Рабочие, у которых развился пневмокониоз, требовали компенсации и оплаты медицинских расходов от японского правительства, Mitsubishi и Mitsui. Эти три организации быстро отклонили их требования. Поскольку Корея была японской колонией, принудительный труд не считался законным. Что касается компенсации, то Япония уже выплатила единовременную сумму корейскому правительству во время мирового соглашения между двумя странами в 1965 году. Поэтому они говорили, что должны требовать от корейского правительства компенсации.

Даже корейские жертвы атомных бомбардировок не смогли получить никакой компенсации. Так что в этом не было ничего удивительного. Проблема исходила от корейского правительства.

Жертвы войны упустили из виду взрывы ядерных бомб, которые привели к социальному выпадению жертв пневмокониоза. Жертвы пренебрегли всеми медицинскими предупреждениями. Преступником была Япония, но и собственная страна, Корея, также отказалась от его отца.

Чтобы сэкономить деньги, отец продолжал пробовать домашние средства. Наконец, семь лет назад, услышав от кого-то метод, его отец очистил тыкву, наполнил ее мочевым удобрением, сварил из него суп и все съел. На следующий день он не мог открыть глаза. Возможно, он покончил с жизнью, потому что его тошнило от

боль.

В ночь перед смертью он позвал Геукдо к себе на смертный одр. Он сказал ему, что их настоящая фамилия Гим, а не Ха. Он также сказал ему, чтобы тот каждый день жил как можно гуманнее. Но, к сожалению, Гыкдо не прислушался к совету.

Будучи подростком, Гыкдо был полон бунтарской энергии. И что? Что это меняет? Отец говорил ему гордиться своими корнями и жить как можно гуманнее, но он не хотел. Его возмущало, что их изгоняют, потому что у них нет власти.

Он бродил по задворкам Осаки, нанося удары ножом и кулаками. Потом его нанял клан Хамон. Так потомок благородного рыцаря Гим Чунсон стал членом якудза.

"Я хочу жить как можно гуманнее. Ради моего деда, который умер от гнева на замерзшем Сахалине. За моего отца, который одновременно обижался и скучал по своей стране. Ради моей матери, которая вернулась в Корё и сказала, что ее тошнит от Японии и ее сына, который превратился в бандита!".

Гим "Бритва" Гыкдо разрыдался. С того момента, как он увидел Мусанга, Гим Гыкдо интуитивно понял, что три поколения существования его семьи, выброшенной на берег сильными течениями эпохи, могут, наконец, завершиться. Если бы он встретил этого человека семь лет назад, он бы не попал в якудза. У него был один шанс на жизнь. Если этот человек решит убить его, он умрет. Если бы тот решил пощадить его, он бы служил этому человеку.

"Как ты будешь жить, если я оставлю тебя в живых?"

Мусанг испытывал его во второй раз.

Он не был христианским священником, который открывал двери в рай, когда человек каялся. Он был Черной Мамбой, Кошмаром полей сражений. Независимо от обстоятельств, окружавших Гим Гыкдо, грехи, совершенные им как приспешником клана Хамон, не были легкими.

"Я ликвидирую свои активы и открою детский дом. Я буду заботиться о сиротах, голодных детях и воспитывать их, чтобы они не стали такими, как я, и не причиняли боль другим, чтобы выжить".

Мусанг посмотрел на Гим Гекдо и наконец кивнул. Он сделал всего лишь несколько глупых решений. На самом деле он был добродушным. В любом случае, ему нужен был кто-то, кто проинформировал бы его о японском синдикате.

"У меня не так много времени. Я обнаружил 70 на этом объекте. Двадцать два, включая этого япошку, принадлежат к специальному подразделению. Есть ли другие?"

'Меня пощадили!'

Лицо Гим Гекдо просветлело.

"Вы правы. Из 48 человек восемь девушек и два юноши занимаются проституцией. Двадцать юношей и девушек - для переливания крови. Восемнадцать - для пересадки органов. Некоторые находятся здесь, потому что им нужны деньги, а некоторых похитили или обманом заманили сюда".

В голосе Гим Гыкдо прозвучала необычная сила. Поскольку ему были поручены задачи по управлению персоналом и финансами, он знал специфику лучше, чем его начальник У Бомсок.

Мусанг сердечно надулся. Последний японский губернатор Кореи, Нобуюки Абэ, сказал следующие слова, когда возвращался в Японию после поражения страны.

(Япония побеждена, но Корея не победила. Мы посеяли среди корейцев колониальное мышление, более опасное, чем любые мечи и винтовки. Погруженные в пораженчество, корейцы будут бороться и продолжать свое порабощенное существование. Корея не одумается даже через сто лет. Я вернусь тогда").

Сказав эти слова, он умер от болезни не более чем через десять лет. Он не смог вернуться в Корею, но его проклятие до сих пор преследует землю.

"Я прокляну Японию проклятием Восточного Мечника. Я надеялся, что вы сможете дать мне список клиентов, или, скорее, животных центра социального обеспечения.

Мне также нужен список персонала больницы, связанного с центром социального обеспечения, и любого корейца, участвующего в управлении этим местом."

"Понятно. Как мне вас называть?"

"Я - Восточный Мечник".

Приятно звучащий баритональный голос достиг барабанных перепонок Гим Гыкдо. В голосе осязательно чувствовалась сила и решимость. Как в одном и том же человеческом роде могут быть такие разные люди? Он не осмелился спросить его настоящее имя.

"Что нам делать с теми членами спецподразделения, которые спят?"

"Если я скажу вам убить их, вы убьете?"

"Ради общего блага..."

пробормотал Гим Гыкдо. Его руки уже были запачканы всевозможными грехами. Если он добавит к ним еще и унцию предательства, ничего не изменится.

"Гим Гыкдо, в мире нет высшего блага. Высшее благо - это всего лишь оправдание, придуманное сильными мира сего. Любой, кто говорит о высшем благе, на сто процентов мошенник. Есть только сила воли. Решимость сохранить человеческое состояние. Я позабочусь о специальном подразделении".

"Спасибо. Я соберу документы".

Несмотря на то, что он решил предать их, они все еще были его коллегами. Если бы ему приказали, он бы убил их, но ему это не нравилось. После этого Гим Гыкдо открыл шкафы и сейфы и собрал все данные.

"Господин, все готово".

Гим Гыкдо принес массивный дорожный носитель.

"Подождите секунду".

Мусанг на мгновение исчез, затем вернулся. Гим Гекдо не спросил, куда он отправился. Мусанг тоже не сказал.

"У вас есть машины в здании?"

"Два пассажирских автомобиля и 25-местный микроавтобус. У меня есть ключи".

"Отлично. Приводите людей".

"Это..."

Гим Гыкдо колебался.

"У вас есть скрытые препятствия? Вокруг стен всего восемь сторожевых собак. Из десяти я усыпил двух".

"Вау!"

Гим Гыкдо был поражен. Он догадывался, что этот человек обладает большой силой, но не ожидал, что он сможет узнать точное количество собак вокруг участка.

"Мы отправили их в подвал и заварили двери.

Чтобы открыть железную дверь, потребуется немало времени".

"Есть ли конец вашим злодеяниям?"

Мусанг вспомнил французов, запертых в подземной каменной комнате в Ападомбе. Японцы

превзошли в жестокости даже жрецов вуду. Мусанг резко встал, потянул за конечности У Бомсеока, чтобы вывихнуть суставы, и ударил его в висок.

"Аргх!"

У Бомсок упал, как мешок с картошкой. Мурай, чьи суставы были сломаны задолго до этого, получил удар по виску и потерял сознание. Они не заслуживали никакой пощады.

"Поехали!"

Гим Гыкдо вздрогнул. Он сказал не "Вперед", а "Вперед". Он оглянулся на Мурая и У Бомсока. Их глаза были расфокусированы, как у вареного осьминога. Он сомневался, что им вообще когда-нибудь понадобится восстанавливать свои функции. Он вздрогнул, как будто только что помочился на столб электропередач посреди зимы. Если бы он бросил вызов этому человеку, он бы закончил так же. Вместо этого он спрятал переноску под стол и последовал за Муссангом.

Мусанг вошел в левое здание, которое Чан Ёнпал назвал залом ожидания. Он не собирался бездельничать. Чем длиннее ночь, тем многочисленнее сны. Когда он вошел, то почувствовал неприятный запах.

Гим Гыкдо включил выключатель. Большие и маленькие комнаты остались нанизанными вдоль коридора посередине. Помещение оказалось просторнее, чем выглядело снаружи. Он толкнул дверь первой комнаты. Толчок был особенно сильным, чтобы противостоять силе. Гим Гыкдо поспешно достал ключи.

Мусанг махнул на него рукой и телекинезом повернул ручку внутренней двери. Дверь открылась. Гим Гыкдо поспешно распахнул ее и включил выключатель. В комнате площадью около 10 квадратных метров на розовых обоях была нарисована Динь-Динь, держащая в руках волшебную палочку. На потолке были обои с изображением Белоснежки и семи гномов. В комнате стоял похожий на игрушечный туалетный столик и небольшой платяной шкаф. За исключением большой кровати в центре комнаты, это была типичная детская комната. Муссанг нахмурился. Использование комнаты было очевидным.

"Эта комната предназначена для детской проституции. Мы покрыли вонь химикатами".

"Хм!"

Муссанг кивнул. Он не чувствовал никакого человеческого запаха, только карболовую кислоту.

"Остальные комнаты? То же самое?"

"Да. Здесь находятся дети и доноры, которые обречены на верную гибель, фатальность. Желаящие доноры органов и крови находятся в здании справа".

Мусанг ничего не сказал и толкнул дверь пятой комнаты справа. Гим Гыкдо, почувствовав его намерение, отодвинул большой деревянный книжный шкаф. За ним оказалась обычная стена. Мусанг ударил по ней и услышал резкий лязг металла.

Несмотря на то, что они были заварены, не имело значения, если бы вся дверная коробка оторвалась. Лестница, погруженная в темноту, широко раскрыла свою пасть в пространстве. Гим Гыкдо покачал головой. Этот человек давно превзошел все человеческие стандарты.

"Существует ли такая вещь, как злой ген? Они живут на разных континентах, но делают одни и те же вещи!" пробормотал Мусанг, спускаясь по лестнице. Лестницу загромождал всякий хлам: сломанные столы, кухонная утварь, автомобильные шины и всевозможные тренажеры. Гим Гыкдо сделал обескураженное лицо. У людей нет предвидения. Когда он должен был заблокировать его, он бросал все, что попадалось под руку. Теперь ему нужно было его разблокировать, а он не видел простого способа сделать это.

"Останься пока наверху".

Мусанг послал Гим Гыкдо вверх по лестнице и достал Горгону из одежды. Если они не смогут сдвинуть ее с места, то смогут разрушить. Горгона с ревом пронеслась в узком пространстве. Хлам, попавший под вес Горгоны, растворился, как нарезанные овощи, включая дерево, пластик и даже металл. За короткое время обломки исчезли, а на их месте образовалась мелкая пыль. Он все еще не мог сравниться с Ракшасой, но все же был достаточно эффективен в узком пространстве.

<http://tl.rulate.ru/book/75373/2166285>